

С.В. МОЗЖЕГОРОВ

НАРРАТИВЫ О ГОМОСЕКСУАЛЬНОМ РАСКРЫТИИ В ЗАПАДНОМ И РОССИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается становление и развитие нарративов о гомосексуальном раскрытии в культуре западных стран и современной России. На материале глубинных интервью, проведенных автором с российскими гомосексуалами, с помощью методики сторителлинга определена структурная и жанровая специфика их личностных историй о камин-ауте.

Ключевые слова: сексуальная идентичность, гомосексуальное раскрытие, личностные нарративы, социокультурный контекст, сторителлинг.

Введение

Обращение социологов-качественников к гомосексуальной идентичности представляется своеобразным вызовом для исследователя. Противоречия меняющегося социокультурного и политического контекста современного общества не позволяют устояться подобным формам ненормативной идентичности и таким образом ограничивают и осложняют доступ к ним. В российской научной среде попытки эмпирического изучения проблематики гомосексуальной идентичности ограничены узким кругом работ таких исследователей, как Д. Воронцов, А. Жабенко, Д. Исаев, А. Кондаков, И. Куприянова, О. Парфенова и других.

Мозжегоров Сергей Владимирович — аспирант кафедры анализа социальных институтов НИУ «Высшая школа экономики».

Его политологическое образование и идентичность активиста ЛГБТ совместились в его диссертации. К сожалению, его рано не стало, и он не успел завершить очень важный для себя труд, в котором вел диалог с обществом, защищал тех, кто обладает меньшим гражданским мужеством, но не меньшими социальными правами (*доктор социологических наук Е.Ю. Рождественская, научный руководитель С.В. Мозжегорова*).

В фокусе нашего исследования будут находиться личностные повествования о раскрытии, посредством которых представители ЛГБТ¹ конструируют собственную сексуальную идентичность.

Очевидно, что нарративизируемый персональный опыт не может быть рассмотрен и интерпретирован вне рамок существующего социокультурного и политического контекста общества [16]. Как отмечают исследователи Й. Брокмейер и Р. Харре, «рассказываемая история связана с существующей культурно-исторической структурой, а локальный репертуар нарративных форм рассказчика переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков» [1, с. 31]. В этом смысле возникновение нарратива о раскрытии в современной «культуре рассказывания» западного общества связано с социальными процессами конца 1960-х – начала 1970-х годов. События, получившие название «сексуальной революции», сделали гомосексуалов видимыми и слышимыми субъектами западного социального мира. Выход «из баров — на улицу» явился акционистским действием, бросающим вызов сложившемуся гетеронормативному порядку. Публичная манифестация индивидами своего гомосексуального Я была противопоставлена распространенным и социально-усвоенным в обществе практикам сокрытия, умалчивания и социального закрепощения ЛГБТ, по выражению С. Кософски, в тотализирующем пространстве «чулана» [3], который и выстраивал повседневную жизнь гомосексуальных людей.

Десятилетия деятельности движения за гей-эмансипацию в западных странах сформировали дискурс о правах ЛГБТ. Политический ландшафт, выстраиваемый посредством юридических норм, открывал для ЛГБТ условия для реализации практик раскрытия, где соответствующий нарратив выступал средством манифестации и социального утверждения их сексуальной идентичности.

Однако распространившаяся в последние несколько лет в странах Европейского союза, США и части Латинской Америки политика, направленная на предоставления таких прав, как регистрация однополых браков и возможность усыновления детей, возымела определенные социальные последствия. Прежде всего мы имеем в виду ответную реакцию со стороны противников ЛГБТ. Примером последнего времени являются массовые уличные манифестации во Франции, спровоцированные принятием правительством Ф. Олланда закона о легализации гей-браков в стране. Это свидетельствует, что происходящая в современном мире регулярная смена политического дискурса неизбежно влияет на социально-правовой статус ЛГБТ-сообщества и

¹ ЛГБТ (от англ. LGBT) — аббревиатура, обозначающая сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. — *Прим. ред.*

становится ключевым фактором его социального положения. Реакция общества естественным образом отражается и на повседневной жизни геев, лесбиянок и бисексуалов, в том числе на границах открытости их гомосексуального Я.

В западных странах личностные истории о гомосексуальном раскрытии по мере распространения внутри ЛГБТ-сообществ выражали определенные событийно-смысловые структуры нарративизируемого опыта гомосексуальных индивидов. Предметом нашего исследования являются структурные и жанровые особенности воспроизводимых от первого лица повествований об опыте совершения раскрытия в российском социокультурном контексте. В заданном ключе были поставлены следующие задачи: 1) проследить моменты становления и трансформации нарратива о гомосексуальном раскрытии в зарубежной литературе; 2) определить возможности появления и социальное значение истории о раскрытии как идентификационного жеста и нарративного конструкта в российском социокультурном контексте; 3) посредством методики сторителлинга выделить типы воспроизводимых событийно-смысловых структур и жанровых особенностей историй о раскрытии в российской ЛГБТ-среде.

Концептуализация нарратива о гомосексуальном раскрытии

В рамках западной социологии концептуализация личностных повествований о гомосексуальном раскрытии, или понятия камин-аута (coming out), впервые была осуществлена американским социологом Кеном Пламмером. Ему принадлежит введение в научный оборот нарративного конструкта «модернистская сказка» (modernist tale). В 1970–1980-е годы «модернистская сказка» составляла главный сюжет истории интимного гражданства, с ее помощью формировались публичные дискурсивные практики о маргинальном статусе ЛГБТ в условиях гетеронормативного общества. Жанрово данное повествование представляло собой драматическую историю жизни гомосексуалов — опыт самораскрытия перед другими людьми. Такие нарративы были выстроены в социально-психологическом и эмоциональном контексте, предполагавшем последовательные моменты осознания, опыт внутреннего переживания, преодоление чувства стыда и последующее раскрытие гомосексуальности [14]. «Модернистская сказка» оказалась ценным источником информации, способствующей пониманию и рефлексии над повседневной жизнью реальных субъектов, чье маргинальное существование стало поводом для возникновения в общественном сознании социальных стереотипов и гомонегативистских суждений.

«Модернистская сказка» воспроизводила линейную структуру сюжета, где моменты формирования гомосексуальной личности последовательно и логически связывались между собой. В этом смысле

такой нарратив утверждал тезис о статичности и конечности становления сексуальной идентичности. В социальном плане повествование актуализировало конструктивистское восприятие гомосексуала, в ракурсе которого делался акцент на воспроизводимой им ролевой модели поведения в существующей системе социальных отношений. В понимании исследовательницы Мэри Макинтош, «гомосексуальный индивид, совершающий камин-аут, в буквальном смысле “изобретал себя”, начиная играть определенную социальную роль в обществе» [13, р. 184]. Вместе с тем выстраиваемый повседневный поведенческий стиль и жизненные ориентиры не предполагали полного выхода гомосексуала «по ту сторону чулана», а лишь несколько расширили границы его открытости. Чаще всего индивид принимал и усваивал общие групповые нормы, воспринятые им непосредственно в контексте взаимодействия «среди своих», при этом не стремясь субверсировать социально-нормативные рамки. Можно сказать, что воспроизводимая «модернистская сказка» предопределяла траекторию дальнейшего жизненного пути геев, лесбиянок и бисексуалов, которая напрямую связывалась с субъективно выстраиваемой и последовательно-реализуемой, но ограниченной поведенческой стратегией на раскрытие гомосексуальности.

Кен Пламмер осуществил попытку найти типический и универсальный метанарративный конструкт об опыте камин-аута в среде раскрывающихся американцев. В этом значении «модернистская сказка» наделялась вполне конкретным социальным смыслом, где сам по себе акт раскрытия представлялся в качестве ключевого и неизбежного момента успешной сексуальной идентификации. Как показывала социальная практика зарождающегося американского ЛГБТ-движения, такой нарратив был востребован и жизнеспособен в условиях социально-исторического контекста 1960–1970-х годов, когда формировалось сообщество, готовое «слышать» и «быть услышанным» другими [14]. Данная сюжетная рамка повествования о раскрытии выполняла функции адаптации и социализации людей, только входящих в социальную группу гомосексуалов. Воспроизводимые персональные истории становились мощным мобилизационным ресурсом по выстраиванию ЛГБТ-сообщества и социальному конструированию групповой идентичности гомосексуалов. Вот как описывает происходивший в то время процесс сам Кен Пламмер: «В потоке множества личных историй геев и лесбиянок происходило становление культуры сообщества, в ракурсе которой поднимались вопросы коллективной истории и политики в интересах сексуальных меньшинств; таким образом, конструируемая посредством интимных историй раскрытия действительность придавала гомосексуалам характер реальных субъектов социальных отношений» [14, р. 16].

На фоне трансформирующегося социального контекста и изменения гей- и лесби-дискурса западных ЛГБТ-групп, боровшихся против угнетения и дискриминации [8], уже в 1990-е годы пламмеровская «модернистская сказка» утрачивает прежнее значение в качестве доминирующего нарратива о раскрытии. На смену истории с выстроенной сюжетной линией приходят множество контрастных в жанровом плане нарративов, воспроизводящих фрагментарность и вариативность сюжетов процесса формирования гомосексуальной личности [14]. Более того, изменяется смысловой фрейм истории о камин-ауте. Раскрытие перестает восприниматься в качестве некоего биографического факта, разделяющего жизнь ЛГБТ на два этапа — *до* и *после* гомосексуального «выхода». Камин-аут приобретает ситуативный характер, когда момент самораскрытия определяется местом и временем, то есть ограниченными рамками социального контекста.

Как поясняет социолог Стивен Сейдман, «большинство геев и лесбиянок в своей повседневной жизни сегодня находятся “вне чулана”, поэтому сам акт раскрытия представляется излишним» [18, р. 202]. Это объясняется положением современных гомосексуалов в западных странах, где повседневная жизнь многих из них более не сопряжена с необходимостью отвоевывать социальное пространство, что было актуально два десятилетия назад. Также это связано с непосредственным усложнением социально-коммуникативного пространства общества, влияющим на микросоциальную среду индивидов. В новых социальных условиях появляются относительно автономные и непересекающиеся в повседневной жизни геев, лесбиянок и бисексуалов социальные поля интеракции, в контексте которых могут осуществляться различные, зачастую противоположные стратегии камин-аута. Акт раскрытия перестает восприниматься как исключительное событие или уникальное действие, вокруг которого разворачивается автобиографическая история ЛГБТ. Процессуальность камин-аута находит выражение в «повторяющемся» акте, своего рода повседневной практике раскрытия.

Таким образом, процесс конструирования гомосексуальной идентичности начинает отображать моменты изменчивости и перформативности сексуального Я. В этом ключе персональное повествование не предполагает закрепления за индивидом фиксированной сексуальной идентичности, приписывания «пожизненного ярлыка», в соответствии с которым человек реализует ролевую модель исключительно гомосексуального поведения. В научно-исследовательской среде возникает дискурс о таком социальном явлении, как квир-идентичность, отвергающий саму возможность формирования статичного сексуально-ориентационного Я. Категория «квир» предполагает нивелирование четких разделительных границ между социально-усвоенными

бинаризмами нормативного и ненормативного, между гетеро- или гомосексуальным самоопределением личности [3].

Определяя специфику квир-подхода к нарративу, исследовательница Брайан Лофтус в статье «Говорящее молчание: стратегии и структуры квир-автобиографии», замечает, что «квир-идентичность субъекта, с одной стороны, воспроизводится посредством языка с целью сигнализации сексуальных различий; но с другой — отказывается от прямого речевого акта, оставляя за другими возможность интерпретации выражаемого индивидом сексуально-нормативного Я» [12, р. 32]. Подобное, на первый взгляд двусмысленное понимание нарратива не должно ставить под сомнение сам по себе конструктивистский потенциал выстраивания гомосексуальной личности посредством представленного в повествовании жизненного опыта. Раскрытие действительно может и не осуществляться через речевой акт, и в этом случае личностные истории акцентируют внимание на скрытых моментах «аутентичной самости» [18], которые индивид воспроизводит перформативно.

Важно отметить, что именно категория «квирности» (queerness) открывает путь социальным исследователям и позволяет им выявлять все многообразие сюжетных и жанровых форм нарративизации индивидами своего опыта гомосексуального камин-аута. Теперь это не обязательно история, представленная в драматическом жанре и воспроизводящая социально-психологические трудности совершения раскрытия.

Категория «квирности» отражается и на структуре персонального повествования. Так, личностные истории гомосексуалов утрачивают связную логику и последовательно-событийную структуру. Воспроизводимые повествования приобретают эпизодичный и фрагментарный характер, отображая перманентно меняющийся мир повседневной жизни гомосексуалов. Исследователь Пол Райан отмечает структурную неоднородность выстраивания личностных нарративов: «История может быть рассказана в том порядке, к которому отсылает память рассказчика, даже если фокусируется на одной биографической нити повествования» [17, р. 75]. Социолог подчеркивает, что событийная структура личностного нарратива зависит и от серии внутренних мотивов, которые влияют на то, какие отдельные фрагменты из жизни индивида будут им самим отображены и воспроизведены.

Схожие выводы делает Маргарет Джоли, отмечая, что «воспроизводимая в процессе рассказывания событийная структура характеризуется разрывами и детализацией отдельных эпизодов, отчего история камин-аута не может быть нам известна полностью» [11, р. 478]. Таким образом, несинхронный характер самораскрытия в различных социальных контекстах, будь то семейные и дружеские отношения, институциональная среда или публичная сфера, делает процесс рассказа заведомо

фрагментарным. В конечном счете нарратив о раскрытии начинает восприниматься через отдельные фрагменты, в которых заложены проективные возможности рассказчика рефлексивно конструировать собственную гомосексуальную идентичность.

Нарратив о раскрытии в российском социокультурном контексте

Прежде чем перейти к осмыслению событийно-структурных и жанровых особенностей российского варианта повествования, следует рассмотреть вопрос о возможности становления историй о гомосексуальном раскрытии в российском социокультурном контексте.

Когда мы говорим о российской специфике нарративов о камингауте, следует учитывать существующий политический дискурс постсоветского общества, в контексте которого появилась сама возможность для трансляции персональных повествований ЛГБТ. Нужно отметить, что выбор российского общества в начале 1990-х годов в пользу демократического пути развития способствовал либерализации личностных сфер жизни россиян, в том числе сексуальной сферы. В этом значении важным историческим моментом стала отмена 121 статьи Уголовного кодекса «Мужеложство» и декриминализация гомосексуальных отношений. Однако принятая мера не имела каких-либо социальных последствий в отношении терпимости к сексуальным меньшинствам и не способствовали процессу гражданской и политической активизации российских ЛГБТ-групп.

Социолог И.С. Кон отмечает, что в уже в 1990-х годах появлялись отдельные единичные активисты, уличные митинги и демонстрации которых сопровождалась «хлесткими политическими лозунгами, рассчитанными не столько на соотечественников, сколько на западных корреспондентов» [2, с. 44], замечая, что подобные акции скорее имели характер пиара, нежели реального желания отстаивать права сексуальных меньшинств. Иначе говоря, политический активизм не стал частью формировавшейся на тот момент гомосексуальной культуры российского ЛГБТ-сообщества, что отчасти можно объяснить традиционным для бывших советских граждан неучастием в политической жизни.

В сознании российских гомосексуалов, привыкших избегать любых проявлений открытости, а тем более публичных манифестаций, была довольно сильна приверженность к подпольному существованию и закрытому образу жизни. Сама по себе гомосексуальная открытость не воспринималась как некая необходимая ценность в повседневной жизни ЛГБТ. Вполне закономерно, что в таком контексте нарратив о раскрытии появился не в результате либерализации общественной жизни и отмены уголовного преследования гомосексуалов.

Избранные страной либерально-демократические ценностные ориентиры были восприняты и осознаны отдельными представителями

ЛГБТ-групп значительно позже: «Российское ЛГБТ-сообщество всерьез заявило о себе в 2000-х годах, с появлением российских ЛГБТ-организаций» [4, с. 127]. С этим периодом связывается и возникновение первых публичных — главным образом сетевых — площадок, в рамках которых происходит формирование ЛГБТ-дискурса и такого явления, как «интернет-активизм» [5]. Виртуальное пространство становится полем социальной интеракции, где гомосексуалы, имеющие активную гражданскую позицию, могут консолидироваться, находя своих сторонников и единомышленников и выстраивая определенную социально-коммуникативную среду ЛГБТ-движения. В качестве примеров интернет-ресурсов, повлиявших на формирование гей-активистской среды, можно назвать такие сетевые ЛГБТ-сообщества в «Живом журнале», как «AntiDogma», «ЛГБТ-Грани.ру», а также акционистски-ориентированные и правозащитные ЛГБТ-группы в социальных сетях *Vkontakte.com*, *Facebook.com*, *Twitter.com* и т. д.

Самораскрытие гомосексуалов среди «своих» становится одним из шагов на пути к осуществлению совместных действий, выходящих за рамки виртуальной среды. Таким образом, камин-аут приобретает значение и смысл манифестации, реализуемой в публичном активистском действии [5]. Стремления гей-активистов посредством участия в уличных акциях к открытому позиционированию собственного гомосексуального Я являет собой новый тренд в развитии группового самосознания российского ЛГБТ-сообщества. Подобная тенденция связана с осмыслением политического аспекта своей идентичности, маргинализация которой имеет прочитываемый социальный характер. Это объясняется и поколенческим фактором: «Сегодня выросло целое поколение геев и лесбиянок — поколение без статьи; поколение людей, чья социализация происходила в девяностые и двухтысячные годы; для них свобода является естественным состоянием, и это социальная база, на основе которой стало возможно развитие ЛГБТ-активизма»².

Представители ЛГБТ-сообщества начинают осознавать, что в эмансипационной деятельности гей-движения истории камин-аутов представляют собой ценный социальный и мобилизационный ресурс. Вне сетевого пространства, на базе таких крупных ЛГБТ-организаций, как «Выход» (Санкт-Петербург), «Радужная ассоциация» (Москва) распространилась практика проведения публичных групп поддержки ЛГБТ. Эта довольно новая для российского контекста форма групповой интеракции была перенята из культурной практики западного гей-движения. Основной целью организации подобных групп поддержки является попытка выстроить внутри формирующегося сообщества социальную среду, психологически комфортную и доверительную

² Из глубинного интервью с российским ЛГБТ-активистом (Санкт-Петербург, 2 мая 2012 г.).

для гомосексуалов, и одновременно с этим привлечь внимание гетеросексуальных индивидов к проблемам стигматизированного положения геев, лесбиянок и бисексуалов в российском обществе. Нужно заметить, что нарративы об опыте камин-аута становятся основной темой общения внутри групп поддержки. Каждый участник встречи имеет свою историю, через которую он нарративизирует собственный жизненный опыт раскрытия, имеющий сходства и различия с переживаниями других людей. Таким образом, при помощи рассказанной истории участники демонстрируют готовность к открытому позиционированию своего гомосексуального Я в повседневной жизни. Нельзя не отметить, что в этом заложен и социально-адаптационный и психологически-раскрепощающий эффект повествований для самих ЛГБТ.

В современном обществе — на фоне публичной практики раскрытия и выстраиваемого дискурса о правах ЛГБТ — происходит рост гомофобных настроений, поощряемых на уровне таких законодательных актов, как закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений³ и закон о запрете на усыновление детей-сирот однополыми парами⁴. Данные правовые нормативы являются собой действенный механизм социального контроля и применения санкций по отношению к любым проявлениям гомосексуальной открытости и таким образом реанимируют и воспроизводят традицию советского «чулана».

Однако вопреки общему гомонегативистскому социальному фону продолжает расти число ЛГБТ, готовых рассказывать о себе открыто и публично манифестировать собственное гомосексуальное Я. Нарративы о камин-ауте приобретают значение политического ресурса как в отстаивании групповых интересов и потребностей сообщества, так и в контексте дестигматизации ЛГБТ.

Методика исследования личностных нарративов

Среди зарубежных исследователей, занимающихся изучением нарративных сюжетов о гомосексуальном камин-ауте, известность

³ Закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений подписан президентом В. Путиным 30 июня 2013 г. В соответствии с текстом закона под запретом оказывается любое высказывание о сексуальных отношениях, которые правоприменитель сочтет «нетрадиционными»; закон предусматривает запрет на распространение информации и выражение мнения о «социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений».

⁴ Закон о запрете на усыновления детей-сирот однополыми парами подписан президентом В. Путиным 3 июля 2013 г. Согласно законодательной норме усыновление детей из РФ запрещено лицам, состоящим в браке с лицами одного с ними пола, а также не состоящим в браке иностранцам, законодательство стран проживания которых разрешает или признает однополые браки.

получили такие авторы, как С. Кроули, К. Броуд, К. Рисман, П. Райан, Д. Лозеке, К. Вестон, В. Висман. В методическом плане их объединяет этнографическая направленность, предполагающая «включение» социолога в процесс нарративизации жизни информантов с целью достичь понимания социально-типического через детальное описание единичного, где сделан акцент на субъективных переживаниях участников исследования [6]. В соответствии с этим в своем исследовании мы будем использовать нарративный метод рассказывания, или — в теории зарубежной социологии — сторителлинг (storytelling), в основе которого заложены теоретические принципы символического интеракционизма и этнометодологии.

Сторителлинг как методический принцип социологического исследования получил обоснование в работе социологов Джея Габриума и Джеймса Хольстейна «Новый язык качественного метода» [10]. В соответствии с пониманием авторов этап эмпирического исследования, а также последующее осмысление и интерпретация нарратива должны осуществляться в ракурсе двух ключевых моментов воспроизводства личностного опыта. Первый — анализ содержательного контента повествования, выраженного в конкретном транслируемом жизненном сюжете. Второй — необходимость понимания процессуальных особенностей нарративизации; иначе говоря, осмысление того, как реализуются речевые акты (говорение) и как история рассказана, то есть дискурсивно представлена самим рассказчиком [10]. Воспроизводимое повествование воспринимается как текст-представление, из чего следует перформативный характер самого нарратива [7].

Методика сторителлинга предполагает, что между исследователем и познаваемым индивидом устанавливается форма этически ориентированного взаимодействия, при которой социолог придерживается принципа уважения и признания субъектности информанта и толерантности по отношению к самовыражению его Я [15]. Исследователь в интеракции тематически направляет повествование, задавая нарративный импульс для рассказывания, не нарушая при этом стилистической специфики нарратива.

Основной задачей нашего исследования было выявить типы событийно-смысловых структур персонального повествования. Гайд интервью включал широкий тематический набор вопросов (осознание, восприятие себя, идентификация, принятие другими и т. д.), которые позволили выстроить значимые контекстуальные рамки истории о раскрытии.

Итак, предметом нашего исследования стали личностные нарративы о раскрытии в контексте становления гомосексуальной идентичности. Нами проведено 31 интервью с представителями российского ЛГБТ-сообщества — геями, лесбиянками и бисексуалами,

имеющими опыт гомосексуального камин-аута. Интервью проводились в Москве и Санкт-Петербурге в период с февраля по декабрь 2012 года. Возрастной диапазон участников составил от 21 года до 38 лет, то есть интервьюировались люди, чье взросление и социальная адаптация проходили в позднесоветский или постсоветский периоды. Гендерное соотношение информантов следующее: 14 геев, 11 лесбиянок и 6 бисексуалов разного пола. Все участники исследования были анонимизированы; приведенные в работе имена являются вымышленными.

Источником доступа к респондентам стали межличностные и сетевые контакты, для которых особое значение мог иметь высокий уровень доверия, либо сформировавшаяся за некоторое время репутация исследователя. Важное значение имела личностная вовлеченность исследователя в российское ЛГБТ-сообщество. Проводимые интервью напоминали дружеские встречи и общение знакомых, лишь в редких случаях они принимали характер формализованного разговора. Где бы ни проходили беседы: в тематическом баре, кофейне или квартире информанта, — приоритет отдавался стремлению создать максимально непринужденную и комфортную атмосферу. Подобная установка позволяла информантам — через повествование в сочетании с межличностной интеракцией — найти способ для самовыражения своего гомосексуального Я.

Событийно-структурные и жанровые особенности историй о раскрытии российских гомосексуалов

В процессе интервьюирования мы ориентировались на выделение эпизодов гомосексуального раскрытия в более общем повествовательном контексте становления гомосексуальной личности. Как выяснилось, информанты, нарративизируя свой опыт самоидентификации, не всегда самостоятельно включали в событийную структуру истории момент камин-аута. Совершение гомосексуального раскрытия могло по умолчанию подразумеваться и потому не проговаривалось; либо камин-аут оставался в стороне, представляя собой эпизод из жизни человека — эпизод, не всегда напрямую и последовательно связанный с моментами осознания и восприятия себя в качестве гея, лесбиянки или бисексуала. Если в первом варианте самораскрытие фактически не проблематизировалось самими информантами, то во втором — ему могло отводиться отдельное место в автобиографии.

Так или иначе, но в фокусе внимания информантов всегда оказывался нарративный сюжет о гомосексуальном раскрытии. Как правило, повествование о камин-ауте включало множество фрагментов повседневной жизни, когда гомосексуалы могли осуществлять раскрытие. Элементы, обычно составляющие структуру западного варианта нарратива «модернистской сказки» с ее моментами осознания,

переживания опыта, принятия себя, раскрытия и последующей успешной самоидентификации, чаще всего воспроизводились и в современном российском социальном контексте. Однако, во-первых, обозначенные элементы могли быть воспроизведены в иной последовательности; во-вторых, любой из них мог быть не проговоренным, либо намеренно вытесненным, а значит, с большой вероятностью не иметь нарративной ценности для самого рассказчика; в-третьих, данные элементы могли быть дополнены либо замещены новыми, что изменяло событийно-смысловую структуру повествования. Кроме того, каждая такая история имела собственную жанровую специфику, неизбежно заключенную в выстраиваемый событийный контекст. Таким образом, на основе анализа полученных данных мы попытались выделить основные типы событийно-смысловых структур, которые характерны для нарративов о камин-ауте, воспроизводимых представителями российских ЛГБТ.

Камин-аут как центральное событие

К данному типу историй относились личностные нарративы с четкой выстроенной логикой развития сюжета, в ракурсе которого момент раскрытия являлся ключевым и кульминационным событием жизненного пути. Повествования передавали значимый для самих рассказчиков персональный опыт совершенного камин-аута, сцепляющий прошлое и настоящее в единую событийно-смысловую структуру. Как правило, в нарратив включались такие элементы, как осознание, восприятие себя, внутренние переживания (экзистенциальный момент), попытки преодоления страха и чувства стыда, совершение раскрытия, принятие или непринятие другими. При этом сценарно такие истории могли иметь контрастный характер и не укладываться в некий типический смысловой фрейм. Однако по своим жанровым и стилистическим особенностям данные повествования близки к варианту пламмеровской «модернистской сказки».

Образцом подобного нарратива служит история Нины. Собственное эмоционально-окрашенное повествование девушка начинает с воспоминаний о детстве, когда у нее появляется влечение к своему полу, что связывается с первым гомосексуальным опытом; период взросления описывается в контексте осознания своей «инаковости», появления «тревожных» мыслей и этапа психологического отчуждения; конечным результатом становится камин-аут в семье, который она сама воспринимает как драматическое, но одновременно «нужное» действие. «Камин-аут, конечно, изменил меня, мою жизнь... но я не могла по-другому, я больше не могла врать...» (Нина, 29 лет). Однако камин-аут не производит необходимого позитивного эффекта, поскольку родители не принимают дочь-лесбиянку. На фоне ухудшения отношений в семье у Нины происходит формирование внутренней стигмы, которую она сможет преодолеть лишь через несколько лет после раскрытия.

Очевидна последовательность событийной структуры нарратива информантки. Это свидетельствует о том, что момент раскрытия действительно имеет для рассказчицы центральный смысл, и персональная история не мыслима вне его. Драматизм рассказывания удачно вписывается в событийный контекст истории, производя соответствующий эмпатийный эффект на слушателя.

Камин-аут как повторяющееся действие

Данный тип событийно-смысловой структуры нарратива о раскрытии может быть противопоставлен первому, поскольку изначально лишен связности и единой линии развития сюжета. Процесс рассказывания носит фрагментарный характер, то есть камин-аут не воспринимается информантами как некий одномоментный акт, вокруг которого разворачивается повествование. Напротив, раскрытие обретает свой смысл в контексте повседневной жизни гомосексуалов, являя собой повторяющееся в нарративе действие.

Речь может идти как о практике раскрытия, совершаемой в различных социальных контекстах (семейные и дружеские отношения, институциональная среда и т. д.), так и «повторяющемся» камин-ауте в рамках одного поля интеракции. Если в первом случае множество эпизодов раскрытия объяснимы и отчасти оправданы, то второй случай обнажает всю двусмысленность воспроизводимой ситуации и момента позиционирования раскрывающихся гомосексуалов. Показательной является история Егора: молодой человек был вынужден совершать камин-аут в семье несколько раз. «Первый раз я как-то сказал, бабушке; она сказала об этом папе, он на меня орал; потом он делал вид, что забыл, как бы ничего не знает... я демонстративно так заявил уже, и он точно знает сейчас; хотя это странно, я готовлюсь, снова камин-аут...» (Егор, 21 год). Значимым элементом становится момент невосприятия или игнорирования камин-аута Егора со стороны родителей, и как следствие — незавершенная гомосексуальная самоидентификация информанта. Именно вокруг данных проблематизированных рассказчиком моментов выстраивается событийно-смысловая структура повествования. Воспроизводимый сюжет, как и предыдущий, можно отнести к жанру драматической истории, поскольку он представляет довольно трудный опыт гомосексуального раскрытия индивида.

Камин-аут как перспектива (сокрытие)

В отличие от двух предыдущих типов конструкций, где камин-аут являлся осуществленным актом, эта нарративная структура проблематизирует момент сокрытия, то есть несовершенное раскрытие гомосексуальности. В таких личностных историях информантов элемент раскрытия как таковой отсутствует, либо артикулируется исключительно в перспективном контексте. Между тем камин-ауту

придается важное жизненное значение как неизбежному шагу на пути социального утверждения гомосексуальности. Момент раскрытия как бы оттеснен иными событийно-структурными элементами нарратива. В одних случаях это осознание и успешная гомосексуальная идентификация; в других — трудности принятия себя, внутренняя стигма, негативная идентификация. Нам не встретились нарративы, где рассказчик не воспроизводил бы проблему собственного самораскрытия.

Осознанное сокрытие индивидами от других людей ненормативной сексуальности имеет в повествовании контекстуальный характер, выражаемый в презентуемых индивидом моделях и стратегиях поведения в повседневной жизни. Это отображается и на жанровой специфике личностных нарративов, для которых характерен воспроизводимый драматизм состояния «гнетущего молчания» нераскрытых гомосексуалов. Таким нарративом является история Жени, представляющая избранную стратегию сокрытия в семье. «Я просто не хочу никого в семье расстраивать и говорить об этом; меня это все напрягает постоянно, но пока лучше так... я не рассматриваю тот вариант, что я маме никогда не признаюсь; если у меня появится мотивация, и эта мотивация будет сильнее, чем то, что я ее при этом расстрою, я ей скажу» (Женя, 27 лет).

Непроблематизированный камин-аут

Последний выделенный нами тип событийно-смысловой структуры нарратива о камин-ауте достаточно парадоксален, что привлекает к нему особое внимание. Это рассказы гомосексуалов, где сюжет раскрытия нарративно отсутствует, информант не придает ему какого-либо значения. В нарративизируемые истории включаются те же элементы осознания, принятия и гомосексуальной идентификации; при этом, как правило, отсутствует момент внутренней стигмы. В таких нарративах ненормативная сексуальность воспринимается индивидами как вполне естественная черта развития их личности, что объясняется толерантностью социального контекста. «Мне не нужно было никому говорить о том, что я гей; это просто очевидно для многих знакомых, тем более родителей... ну я рос просто таким, каким был на самом деле... розовый мальчик, все нормально; педиком никто не называл никогда» (Никита, 23 года). Личностная история Никиты — это явный пример нарратива, где событие камин-аута не имеет места, и потому отсутствует соответствующая жанрово-драматическая нагрузка. В таком же позитивном ключе рассказана история Лиды, где раскрытие было инициировано не самой информанткой, а ее мамой. «В лет тринадцать мама у меня спросила “тебе же нравятся женщины, да?”, и она вела так очень мягко разговор; уже тогда она все равно все просекла, ну а потом не было смысла в объяснениях еще каких-то» (Лида, 28 лет). В обоих случаях характерно, что повествования фактически лишены проблематики гомосексуального камин-аута. При

этом воспроизводимая рассказчиками событийная структура нарративов представляет эксклюзивный опыт гомосексуальной открытости, имеющий явную положительную стилистическую коннотацию для самих информантов, что довольно нетипично в условиях гомонегативистского российского контекста.

Заключение

Нарратив о гомосексуальном камин-ауте, укорененный в западном культурном дискурсе, в последние несколько лет прочно укрепился и в среде российского ЛГБТ-сообщества, став одним из социальных ресурсов в борьбе за гей-эмансипацию. Область исследования персональных историй о раскрытии стала важной частью научного изучения гомосексуальной идентичности. Нарратив о раскрытии позволяет воспринимать и осмысливать проблему маргинального и стигматизированного положения ЛГБТ в современном обществе. Воспроизводимые от первого лица повествования открывают доступ к повседневной жизни довольно закрытой социальной группы сексуальных меньшинств.

Социальный и политический контекст российского общества имел важное значение в выстраивании событийно-смысловых структур повествований о камин-ауте. Ставший актуальным для западных стран в 1960–1970-е годы, типический нарратив «модернистской сказки» размывается в условиях постсоветской действительности. При этом сохраняется ее жанровая стилистика, выраженная в драматическом сюжете становления гомосексуальной личности. На место «модернистской сказки» приходит множество версий личностных нарративов, причем структура каждого имеет собственную событийно-содержательную специфику. Истории о раскрытии приобретают эпизодичный и фрагментарный характер, лишаясь связного нарративного сюжета.

Персональные повествования российских ЛГБТ презентуют вариативность опытов гомосексуального раскрытия, определенных в конкретных событийно-смысловых структурах. С помощью методики сторителлинга выделены четыре основных типа нарратива, в рамках которых момент камин-аута имеет различный смысл и понимание. К первому типу относятся истории, где раскрытие представляется в качестве центрального события повествования, которое задается информантом. Для второго типа нарратива характерна воспроизводимая эпизодичность, что делает камин-аут повторяющимся действием. Третий тип истории представляет камин-аут как несовершенное действие, имеющее перспективу. Наконец, последний пласт историй связан с отсутствием нарративизуемого момента раскрытия и соответствующей проблематизации. Воспроизводимый опыт раскрытия позволяет отметить общее у всех информантов стремление к рефлексивной проективности в конструировании гомосексуального Я.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- 2 Кон И.С. Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М.: АСТ, 2003.
- 3 Кософски С. Эпистемология чулана. М.: Идея-пресс, 2002.
- 4 Парфенова О. «Тактик под маской стратега», или выход из «чулана» порусски // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 127–133.
- 5 Созаев В. ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 90–126.
- 6 Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006.
- 7 Bauman R. Story, performance, and event: Contextual studies of oral narrative. Cambridge: Cambridge UP, 1986.
- 8 Brown M. Coming out narratives: Realities of intersectionality. Sociology Dissertation. Georgia State University, 2011.
- 9 Crawley S., Broad K. Be your [real lesbian] self: Mobilizing sexual formula stories through personal (and political) story-telling // Journal of Contemporary Ethnography. 2004. No. 33. P. 39–71.
- 10 Gubrium J., Holstein J. The new language of qualitative method. New York: Oxford University Press, 1997.
- 11 Jolly M. Coming out of the coming out story: Writing queer lives // Sexualities. November, 2001. Vol. 4. P. 474–496.
- 12 Loftus B. Speaking silence: The strategies and structures of queer autobiography // College Literature. 1997. No. 24 (1). P. 28–44.
- 13 McIntosh M. The homosexual role // Social problems. 1968. No. 16. P. 182–192.
- 14 Plummer K. Telling sexual stories: Power, change, and social worlds. New York: Routledge, 1995.
- 15 Plummer K. Documents of life 2: An invitation to a critical humanism. London: Sage, 2001.
- 16 Riessman K. Analysis of personal narratives' // Handbook of Interview research: Context and method / Ed. by J.F. Gubrium, J.A. Holstein. Thousand Oaks: Sage, 2002.
- 17 Ryan P. Coming out, fitting in: The personal narratives of some Irish gay men // Irish Journal of Sociology. 2003. Vol. 12. P. 68–85.
- 18 Seidman S. Beyond the closet: The transformation of gay and lesbian life. New York: Routledge, 2002.

S.V. MOZZHEGOROV

(Mozzhegorov Sergej Vladimirovich — graduate student of National Research University Higher School of Economics)

NARRATIVES ABOUT THE HOMOSEXUAL COMING OUT IN THE WESTERN AND THE RUSSIAN SOCIOCULTURAL CONTEXT

Summary: The article considers the formation and development of narratives about the homosexual coming out in the culture of Western countries and modern Russia. Based on the methodology of storytelling defined structural and genre specificity of personal stories about coming out of Russian homosexuals.

Key words: sexual identity, coming out, personal narratives, sociocultural context, storytelling.

REFERENCES

1. *Brokmejer J., Harre R.* Narrativ: problemy i obeshhanija odnoj al'ternativnoj paradigmy // *Voprosy filosofii*. 2000. № 3. S. 29–42.
2. *Kon I.S.* Liki i maski odnopoloj ljubvi. Lunnyj svet na zare. M.: AST, 2003.
3. *Kosofski S.* Jepistemologija chulana. M.: Ideja-press, 2002.
4. *Parfenova O.* “Taktik pod maskoj stratega”, ili vyhod iz “chulana” po-russki // *Gendernye issledovanija*. 2010. № 20–21. C. 127–133.
5. *Sozaev V.* LGBT-dvizhenie v Rossii: portret v inter'ere // *Gendernye issledovanija*. 2010. № 20–21. C. 90–126.
6. *Trocuk I.V.* Teorija i praktika narrativnogo analiza v sociologii. M.: Izd-vo RUDN, 2006.
7. *Bauman R.* Story, performance, and event: Contextual studies of oral narrative. Cambridge: Cambridge UP, 1986.
8. *Brown M.* Coming out narratives: Realities of intersectionality. Sociology Dissertation. Georgia State University, 2011.
9. *Crawley S., Broad K.* Be your [real lesbian] self: Mobilizing sexual formula stories through personal (and political) story-telling // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2004. No. 33. P. 39–71.
10. *Gubrium J., Holstein J.* The new language of qualitative method. New York: Oxford University Press, 1997.
11. *Jolly M.* Coming out of the coming out story: Writing queer lives // *Sexualities*. November, 2001. Vol. 4. P. 474–496.
12. *Loftus B.* Speaking silence: The strategies and structures of queer autobiography // *College Literature*. 1997. No. 24 (1). P. 28–44.
13. *McIntosh M.* The homosexual role // *Social problems*. 1968. No. 16. P. 182–192.
14. *Plummer K.* Telling sexual stories: Power, change, and social worlds. New York: Routledge, 1995.
15. *Plummer K.* Documents of life 2: An invitation to a critical humanism. London: Sage, 2001.
16. *Riessman K.* Analysis of personal narratives' // *Handbook of Interview research: Context and method* / Ed. by J.F. Gubrium, J.A. Holstein. Thousand Oaks: Sage, 2002.
17. *Ryan P.* Coming out, fitting in: The personal narratives of some Irish gay men // *Irish Journal of Sociology*. 2003. Vol. 12. P. 68–85.
18. *Seidman S.* Beyond the closet: The transformation of gay and lesbian life. New York: Routledge, 2002.